

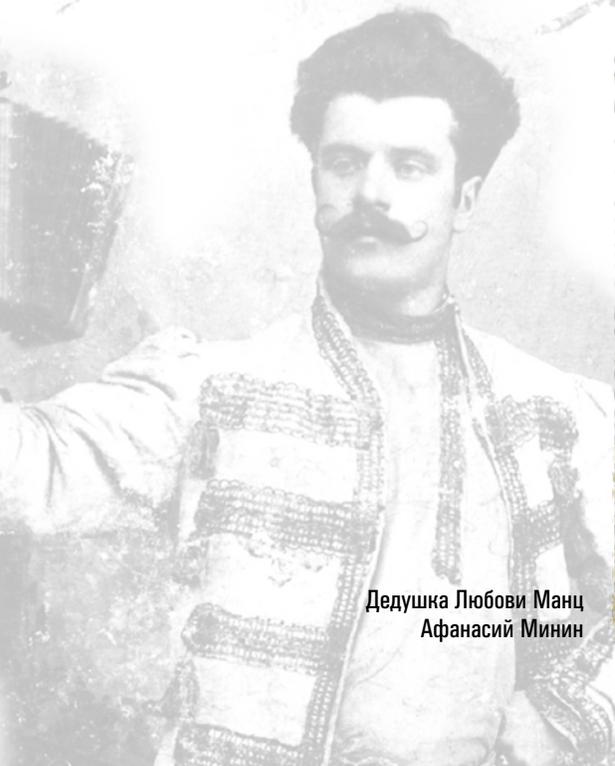
Содержание

- 9**   **Предисловие**
- 13**   **Русская душой**
Истоки. Советская нищета
- 31**   **Закаленная Веной**
Бегство. Танец над Дунаем
- 55**   **Швейцарка по характеру**
Восхождение. Базельская предпринимательница
- 83**   **Покорившая свет**
Прибытие. Плечом к плечу с Каспаром Манцем
- 115**   **С музыкой в сердце**
Страсть. Меценатство
- 139**   **Бизнес-лидер**
Империя. Люба берет на себя управление
- 157**   **Вместо послесловия**
- 172**   **Список использованных источников**
- 174**   **Именной указатель**

Гостиница
«Универсаль»
до революции
1917 года была
собственностью
семьи Мининых

САБИНЕТ - ПОРТРА

Дедушка Любви Манц
Афанасий Минин

Семейное фото: Игнац Грубер с мамой, сестрой Мицци и неизвестной маленькой девочкой. Вена

Мать и дочь: Екатерина Минина и Лидия Минина-Грубер

Отец – Игнац Грубер

Мать – Лидия Минина-Грубер.
Харьков. 1943 год

Семья Грубер после эвакуации в Узбекистан (слева направо): бабушка Екатерина Минина, Лидия и Игнац Груберы и маленькая Люба

Первый год жизни Любы. Харьков

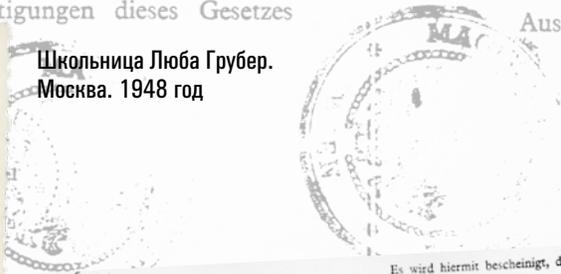
Dieser Opferausweis ist zufolge § 4, Abs. (3), dieses Gesetzes für alle mit der Zuerkennung und Durchführung von Begünstigungen dieses Gesetzes

zu behandeln ist.

Ausstellungsdatum: .....

Школьница Люба Грубер.
Москва. 1948 год

Für den Lande

Es wird hiermit bescheinigt, daß bei Herrn

J. Gruber
geboren am 21.7.1903 in Wien
wohnhaft in Dauptgasse 32/31
1100 Wien

zufolge § 1, Abs. (2), lit. a, b, c, d, f) beziehungsweise Abs. (3) und Abs. (4) die Voraussetzungen des § 1 des Gesetzes vom 4. Juli 1947, BGBl. Nr. 183 (Opferfürsorgegesetz), zutreffen, er, (er, *) somit als Opfer*, Hinterbliebener* eines Opfers*) der politischen Verfolgung im Sinne dieses Bundesgesetzes zu behandeln ist.

Dieser Opferausweis ist zufolge § 4, Abs. (3), dieses Gesetzes für alle mit der Zuerkennung und Durchführung von Begünstigungen dieses Gesetzes befähigten Stellen bindend.

Ausstellungsdatum: 8. Feb. 1980

Für den Landeshauptmann

Удостоверение жертвы
нацизма, выданное
Австрийской Республикой
Игнацу Груберу.
1980 год

*) Nichtzutreffendes

I. Dieser Opferausweis ist ein Dauerbeweis dem Berechtigten :

II. Er empfiehlt allen öffentlichen Behörden und Organen den anweisenden Inhaber eines Opferfürsorgegesetzes

Сестры Грубер:
Люба (10 лет)
и Наташа (16 мес.).
Вена. 1950 год

- I. Dieser Opferausweis ist ein Dauerbeweis. Er ist nach Vorweis dem Berechtigten zurückzugeben.
- II. Er empfiehlt allen öffentlichen Behörden und Organen den anweisenden Inhaber einer weitgehenden bevorzugten Behandlung.
- III. Das Opferfürsorgegesetz sieht vor, daß bei Vorweis dieses Opferausweises gewährt wird bzw. gewährt werden kann, und zwar Begünstigungen:
  1. auf dem Gebiete der Renten- und Unfallversicherung;
  2. bei Gründung, Wiederaufrichtung oder Stützung der wirtschaftlichen Existenz;
  3. bei Vergebung und Zuweisung von Wohnungen, Siedlerstellen und Kleingärten;
  4. Begünstigungen auf dem Gebiete der Steuer- und Gebührenpflicht;
  5. durch Nachlaß und Ermäßigung von Studien- und Prüfungsgeldern.
- IV. Dieser Opferausweis wird für ungültig erklärt und eingezogen, wenn durch ein Verhalten des Inhabers in Wort und Tat, das im Widerspruch mit den Zielen eines freien, demokratischen Österreich steht oder stand, die Anspruchsberechtigung nach dem Opferfürsorgegesetz verwirkt ist.

Opferausweis

Nr. 17670

nach § 4 des Opferfürsorgegesetzes vom 4. Juli 1947, BGBl. Nr. 183.

Zur Beachtung!

Inhaber dieses Opferausweises wird allen Behörden und öffentlichen Organen einer weitgehenden bevorzugten Behandlung seines Ansuchens empfohlen.

Ermäßigung von Studien- und

IV. Dieser Opferausweis wird für ungültig erklärt und eingezogen, wenn durch ein Verhalten des Inhabers in Wort und Tat, das im Widerspruch mit den Zielen eines freien, demokratischen Österreich steht oder stand, die Anspruchsberechtigung nach dem Opferfürsorgegesetz verwirkt ist.

nach § 4 des Opferfürsorgegesetzes
BGBl.

Zur B

Inhaber dieses Opferausweises wird allen öffentlichen Organen einer weitgehenden bevorzugten Behandlung seines Ansuchens empfohlen.

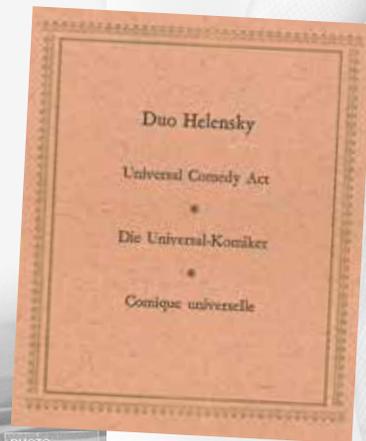
Работа в каникулы. Презентация мебели.
Вена. 1958 год © Carl J. Hofer

Студент Франк,
влюбленный в Любу,
заработал на
обручальное кольцо,
сдавая кровь

«Дуо Эленски»:
комедиант Отто Эленский
и танцовщица Люба Грубер

Программка
гала-ужина.
Анонс выступления
«Дуо Эленски».
1963 год

Танцовщица Люба Каренина.
Портрет с афиши ночного клуба «Терраса»
(1964–1967 годы)

Вилли Гуггенхайм (Варли)
Портье из отеля «Сен-Готард»
Холст, масло. Ок. 1948 года
© Patrizia Guggenheim, Bondo

Отель «Сен-Готард»
находится рядом
с железнодорожным
вокзалом Цюриха
(ок. 1881 года)

Уютное кафе
в отеле «Сен-Готард»
(нач. XX в.)

Вид на отель «Сен-Готтард» со стороны Bahnhofstrasse (ок. 1910 года)

Manz

Герб семьи Манц

Основатели династии Манц: Каспар и Элиза Манц с сыновьями Эрнстом (слева) и Оскаром. Цюрих. 1890 год

Второе поколение семьи Манц.
Эрнст с женой Гертрудой
(урожденной Мейстер)
и пятеро детей:
Бьянка, Карла, Дора и Труды,
в центре – сын Каспар.
Цюрих. 1926 год

Жених и невеста: Люба и Каспар Манц
поднимают бокалы на свадьбе
в отеле «Захер». Вена. 1974 год

Свадебный кортеж: молодожены Манц
направляются в отель «Захер». Вена. 1974 год

Медовый месяц на Капри. Каспар в рубашке, подаренной Любой. 1974 год

Интерьеры в стиле модерн. Венское кафе в отеле «Сен-Готард»

Молодожены Люба Грубер и Пауль Лурье.
1971 год

CONNESSA

Ljuba Manz-Lurje

CONNESSA

*Посвящаю эту книгу людям, которые много
для меня значат:*

*Моему покойному супругу Каспару Эрнсту Маницу,
которому я безгранично благодарна.*

*Моим сыновьям Саше и Мише,
которые наполняют мою жизнь смыслом.*

*Моим пятерым внукам,
приносящим мне много радости.*

*Моему мужу Марко Конте,
который делает меня счастливой.*

*Моей семье и друзьям,
всегда находящимся рядом.*

*Моим ассистентам
Александру Мухину и Марине Нитлиспах,
которые всегда меня поддерживают.*

*Всем сотрудникам и партнерам –
гарантам нашего гостеприимства.*

Люба Маниц-Лурье

Предисловие

Большинство предпринимателей, мужчины и женщины, проходят классический путь становления, состоящий из получения хорошего общего и специального образования, знакомства с выбранной сферой деятельности и выработки в себе заразительной преданности делу. Это медленный процесс.

В немецком политическом жаргоне его даже называют «бычий тур», чтобы подчеркнуть изнурительность пути человека к службе обществу.

И вот что удивительно: во времена высокой рыночной конъюнктуры последней четверти прошлого века, когда появлялись и становились модными новые теории и рекомендации по ведению бизнеса (прежде всего идеи, изложенные в книге Томаса Питерса и Роберта Уотермана «В поисках совершенства»), Люба Манц внедряла эффективные финансовые и организационные модели собственного пошива для управления традиционным конгломератом гостиниц без оглядки на тогдашние школы менеджмента.

Она сумела в некоем свободном стиле преобразовать солидные и очень традиционные рестораны и гостиницы своего супруга Каспара Манца в современную и ди-

намичную сеть отелей. Именно благодаря ее таланту в освоении иностранных языков, ее тонкому пониманию людей с разным менталитетом гостиничный бизнес семьи успешно вышел на латиноамериканский рынок.

Каждый, кто когда-либо руководил развитием бизнеса или участвовал в этом, понимает, сколь высокой квалификацией необходимо обладать для успешного осуществления подобных преобразований. Добавим, что консервативный по своей сути уроженец Цюриха Каспар Манц не просто доверил управление супруге, но и вдохновлял ее. Видимо, он догадывался, что с его помощью свойственные ей деловая интуиция и понимание бизнес-процессов приведут к расцвету семейного предприятия. Так оно и вышло.

Но Люба Манц не только успешный предприниматель. Это человек удивительной судьбы, настоящая *femme fatale*. Она ребенок с особым даром, выросший в постоянно менявшихся жизненных обстоятельствах, где ее становлению способствовало постепенное расширение окна возможностей для женщин и обретение ими свобод в обществе в конце прошлого столетия. С детства она привыкла сама заботиться о своем благополучии, не покоряясь судьбе. Она наделена способностью сеять добро и с чувственным восторгом собирать плоды, делась ими с семьей и близкими ей людьми.

Вне сомнений, она наслаждается своим феерическим обаянием и любит бурную, щекочущую нервы жизнь высшего света. Порой это может вводить в заблуждение, заставляя воспринимать ее самовыражение как пленяющий сверкающий фасад. Однако в большом сердце, таящемся за ним, скрывается неиссякаемый источник

любви к искусству. Любу Манц можно часто увидеть на оперных представлениях, на концертах и спектаклях. Среди ее близких друзей – многие деятели искусства, и поэтому ее суждения о культурных событиях всегда обоснованны.

Рене Люхингер и Биргитта Вильман превращают биографию Любы Манц в увлекательное повествование. Они погружают читателей в исторический контекст событий, отражая их различные аспекты, раскрывают мотивы поступков участников сюжетов. Их книга – о всегда верящей в себя женщине, которая добилась успеха в бизнесе благодаря тому, что чаще следовала своей интуиции, чем рекомендациям учебников.

Ханс-Рудольф Мерц,
министр финансов (2003–2010),
член Федерального совета,
президент Швейцарии (2009–2010).
Август 2018 года

Русская душой

Истоки. Советская нищета

К моменту появления на свет Любы Грубер в 1940 году дела в Харькове обстояли скверно. Семья матери во время русской революции осталась без крова, дворянского титула и имущества. Отец бежал из Вены на восток, спасаясь от фашистского произвола. Гитлер перешел в наступление. Молодой семье это сулило лишения и невзгоды: им вновь предстояло бегство, на сей раз – в незнакомый мир мусульманской Средней Азии.

Имя Любовь имеет в русском языке особый смысл. Маленькой Любе, родившейся 27 июля 1940 года в украинском Харькове, оно было дано неспроста. Обстановка в мире не предвещала ничего хорошего. Вот уже несколько месяцев, как Адольф Гитлер развязал войну, фашистская армия наступала; в Прибалтике спешно шла национализация; министр иностранных дел Молотов вел переговоры с финнами о создании зоны, свободной от военных действий. Может быть, именно поэтому Игнац Грубер и Лидия Минина-Грубер остановились на имени Люба, Любовь. Родители всегда были очень

ласковы с малышкой, первым ребенком в семье, чтобы та чувствовала: она – дитя любви. Что-либо большее, чем безграничную привязанность, дать дочери в те тяжелые времена они были не в силах. Хотя они и жили в краю, прослывшем житницей Европы, на юге Среднерусской возвышенности, там, где река Харьков в центре одноименного города впадает в Лопань, людям не хватало не только зерна, но и еды, а зимой и дров. Поначалу маленькая Люба даже не подозревала, что бывает другая жизнь. Порой она, сложив ручки в молитве, просила Боженку послать ей собственную кровать...

Прошло уже более семидесяти лет. Газеты давно уже с почтением зовут ее *королевой гостиничного бизнеса* – по долгу службы она заботится о том, чтобы в ее отелях каждого гостя ждал уютный ночлег, но Люба, ставшая теперь Любовью Манц, по-прежнему помнит те годы.

Случаются дни, когда ее дело дает особенные поводы для гордости – к примеру, 12 сентября 2017 года. Для Женевы – обычный вторник, однако в «*Отеле де ла Пе*» на берегу Женевского озера раскатывают красную дорожку, готовясь принять 400 гостей, выбранных лично мадам Манц с особой тщательностью. Это – друзья и клиенты гостиницы, которая стоит вот уже 150 лет и давно считается «самым изысканным отелем класса люкс в городе Жана Кальвина», если верить буклету компании «*Манц Прайвеси Хотелс*», владеющей «*Отелем де ла Пе*». В этот день здесь собрались местные и иностранные журналисты. Мерцают вспышки, щелкают затворы фотоаппаратов. Играет музыка, ярким светом горят люстры, освещая гостей в праздничных на-

рядах. В гуще толпы – королева бала, Люба Манц. Это день ее триумфа, ее вечер.

Словно королева шествует она на высоких каблуках, приветствуя одних, перебрасываясь словами с другими. Макияж, как всегда, безупречен; даже всполохи на камнях, украшающих шею, мочки ушей и запястья, не способны затмить ее улыбку. Ведь она отмечает событие мирового масштаба: ей, Любе Манц, удалось вернуть на родину наследие легендарного швейцарского предпринимателя Сезара Рица – того самого, которого британский правитель Эдуард VII в конце XIX века назвал «королем отельеров и отельером королей». Именно поэтому отныне гостиница на Женевском озере будет называться *Ritz-Carlton Hotel de la Paix*. Впервые за долгие годы легендарное имя Рица вновь засияет над входом в швейцарский отель. Но победа досталась дорого: «Я платила, платила и никогда не спрашивала, за что. Как в удачном браке», – делится с собравшимися владелица. Реконструкция здания обошлась в 25 миллионов франков. Но дело было не в деньгах: на кону стояло гораздо большее – возрождение старой дружбы. Представители династии Манц дружили с Рицем, и именно в соответствии с его концепцией женеvской жемчужиной будет управлять наследница традиций – американская *Риц-Карлтон Хотел Компани*.

Кажется, будто в жизни Любы Манц, урожденной Грубер, все идет по некоему глубоко скрытому, даже отчасти забытому сценарию. Вот старая, пожелтевшая фотокарточка, которой уже больше ста лет, сделанная до революции в ее родном Харькове. На ней изображена гостиница, на фасаде которой надпись на русском

языке – гостиница «*Универсаль*» (*Hotel Uniwerzal*). Она принадлежала деду Любви Манц – Афанасию Минину, импозантному мужчине и, как поговаривали, знатному сердцееду. Внешне он был похож на легендарного Кларка Гейбла и к тому же знал толк в хорошей жизни. Несмотря на все войны и перипетии двадцатого столетия, сохранилась единственная его фотография. На ней Минин еще молод – статный красавец с копной черных как смоль волос и лихо закрученными усами в богато украшенном казачьем костюме. В правой руке он высоко держит гармонику, словно рассказывая о своей любви к музыке.

И это не просто постановочный кадр. В нем – подтверждение его происхождения и свидетельство того, как высоко ценилась в царской России родословная. Минины владели усадьбами, доходными домами и виноградниками, разводили лошадей. Дед, истинный бонвиван, получил хорошее художественное образование в Харькове, городе с богатыми культурными традициями, с давних пор имевшем университет, владел французским, был одаренным музыкантом. А еще слыл любителем изящных искусств и скачек, страстным охотником. После свадьбы у них с супругой Екатериной в разгар войны, 4 апреля 1916 года, родилась дочь, окрещенная Лидией – мать Любы.

К концу Первой мировой войны от прежней жизни не осталось и следа. Драматически закончилась история династии Романовых, некогда сильнейшей в Европе. С ней ушел в прошлое и образ жизни говорящего на французском языке высшего света. Их свел в могилу

Октябрьский переворот. Свершилась революция, был создан Советский Союз. И пусть эти изменения происходили далеко, в Петрограде, до которого полторы тысячи километров, их эхо достигло и Восточной Украины, Харькова. Спустя несколько месяцев власть захватили большевики, была провозглашена республика, а город, в котором двадцать лет спустя на свет появится Люба, на некоторое время даже стал первой столицей Украинской советской республики.

Для семьи Мининых наступили тяжелые времена. Семьи с такой родословной, как у них, при советской власти попали в немилость. Началась национализация, зажиточных людей преследовали, их имущество безжалостно уничтожали. Не избежали этой участи и Минины: страшные картины детства настолько глубоко врезались в память Лидии, что она вспоминала о них многие десятилетия спустя. Вот одна из них: толпа накинулась на рояль – прекрасный инструмент разбили и сожгли, на библиотеку – книги уничтожали без разбора. Некоторые члены семьи не выдержали. Двоюродный дед, брат Афанасия, покончил с собой, не дожидаясь, пока за ним придут. Их сестра умерла от инфаркта. На могиле матери застрелился Лидин двоюродный брат, осознав, что привычный мир рухнул, а в будущем он не видел для себя места.

Потерпела крах и семейная жизнь бывшего русского помещика. Екатерина Минина, устав жить в постоянном страхе из-за преследования зажиточных семей, уехала с Лидией в деревню – там она чувствовала себя в большей безопасности. Но оказалось, что эта разлука не на время, а навсегда: Екатерина развелась с Афанаси-

ем и вышла замуж за ветеринара, которому родила еще двоих дочерей, сестер Лиды – Надежду и Веру.

А что же Афанасий Минин? Он зарабатывал на жизнь исконно русским ремеслом: пел народные песни, чарующие и берущие за душу. Никому и в голову не приходило, что перед простолюдинами выступал высоко-родный человек. Но самого его съедала тоска по дочери, которая к тому времени уже подросла. В то невероятное, непредсказуемое время случилось то, что при обычных обстоятельствах трудно было бы даже представить себе: по достигнутой договоренности Лидия полностью перешла под опеку Афанасия, а Екатерина осталась с новым мужем и их совместными детьми. С этого момента Минин выступал с дочерью: Лида, миловидная девушка-подросток с правильными чертами лица и прямым взглядом, как у матери (о чем свидетельствует их редкое совместное фото), обладала изумительным голосом. Поэтому отныне песни пела она, а отец аккомпанировал ей на аккордеоне.

Со стороны это могло бы казаться романтической картиной простой сельской жизни и тесной дружбы дочери с отцом, однако в те беспощадные времена даже здесь могла таиться опасность. Многие годы спустя Лидия с содроганием вспоминала, как однажды ночью ее, спящую, выкрали из комнаты цыгане, заодно прихватив и огромное дедушкино зеркало, сохранившееся еще с той поры, когда все жили в усадьбе. Но преступление не осталось незамеченным: в ту ночь ярко светила луна, и зеркало так блестело, что привлекло внимание сотрудников охраны порядка. Окликнув похитителей, патрульные разбудили Лидию, и она, осознав, что на-

ходится не в своей комнате, начала так громко кричать, что даже сорвала голос и в течение нескольких недель не могла говорить. Благодаря этому ее заметили и вместе с зеркалом вернули Афанасию целой и невредимой.

Хоть беспокойная жизнь артистов и была тяжела, но если бы они знали, что их ожидает, то считали бы ее вполне сносной. Годам к шестнадцати Лидия начала искать постоянный заработок и нашла место на фабрике в Харькове. В городе еще в царские времена прошла индустриализация, вызвавшая на рубеже веков приток тысяч рабочих. Они устраивались на железную дорогу, тракторные и машиностроительные заводы. Где-то там и оказалась Лида – по сути, совсем еще подросток. Для утонченной девушки с выдающимися музыкальными способностями погружение в каждодневную рутину было не просто тоскливым, а поистине ужасным. Вместо того чтобы посвятить себя искусству, она трудилась в две смены, лишь бы заработать на хлеб.

Тем не менее ей живется лучше, чем многим харьковчанам, численность которых на тот момент уже превысила 800 тысяч. В 1933 году в городе несколько месяцев свирепствовал голод, жертвами которого в Советском Союзе стали миллионы человек. Историки по сей день спорят, что было тому причиной. Может, антропогенная катастрофа, с помощью которой кремлевская власть во главе с Иосифом Сталиным планировала подавить последние вспышки национальной борьбы и завершить русификацию Украины? Ведь после свержения царя появились националистические движения, боровшиеся за свободную страну. Или, как и в других союзных республиках, дело было в неурожае и в последствиях при-

нудительной коллективизации, которая привела к массовой гибели людей? На фотографии того времени улица Харькова и спешащие куда-то прохожие, а на обочинах – тела мертвых крестьян. Еще одна фотокарточка – табличка, прибитая к дереву: «Рытье могил строжайше запрещено». Чудовищный голод оставил неизгладимый след в памяти украинского народа, в том числе и в душе Лиды Мининой.

Примерно в это же время она познакомилась с мужчиной, которого при других обстоятельствах никогда бы не встретила. Лиде чуть больше двадцати; из подростка, зарабатывающего на жизнь пением, она превратилась в красивую девушку, хотя и казалась излишне худой. При царе девушка ее социального статуса наверняка бы стала супругой землевладельца или промышленника, вела бы обеспеченную жизнь, занимаясь искусством и музицированием. Однако к концу 1930-х годов вираж судьбы занес в Харьков, а там и в объятия Лиды выходца из семьи венского предпринимателя Игнаца Грубера.

Но до этой встречи пока далеко. В имперском городе на берегах Дуная, в семье коммерсанта по фамилии Грубер в 1903 году появился на свет мальчик, которого назвали красивым именем Игнац. Казалось, что в том момент во всем мире царили гармония и порядок. В последних числах марта в оранжереях Австрийского общества садоводов подошла к концу III Международная автомобильная выставка. Венская газета *«Нойе фрае прессе»* писала: «С того момента, как было объявлено о проведении выставки, она вызвала большой интерес со сто-

роны профессионалов из разных областей, поскольку именно Вена является отличным рынком для сегмента роскошных автомобилей». Люди были уверены в своем беззаботном будущем. На фотографии, сделанной незадолго до Первой мировой войны, мальчуган с матерью, сестрой и неизвестной маленькой девочкой с вызовом смотрит в объектив: ровно прочерченный боковой пробор, локоны уложены волосок к волоску, костюм с жилеткой сидит превосходно. Кажется, что вся атмосфера пропитана духом буржуазного уюта. Это и не удивительно, ведь продуктовый магазин, которым владели Груберы, приносил достаточно денег, чтобы хватало на вполне обеспеченную жизнь.

Со временем мальчик превратился в юного идеалиста, увлекающегося политикой. Однако он не был создан для подобного поприща, а потому Игнац Грубер оказался лишь сторонним наблюдателем обострения обстановки в Вене в конце 1920-х – начале 1930-х годов, да и во всей Австрии в целом. Грубер вступил в Республиканский шуцбунд – военизированный отряд Социал-демократической партии Австрии, в котором во времена его расцвета числилось более 80 тысяч человек. Их цель – защищать партию и демократический режим от австрофашизма.

В марте 1933 года канцлер Энгельберт Дольфус, пришедший к власти в результате демократических выборов, отказался созывать парламент и установил авторитарный режим, образовав сословное государство. Для шуцбунда это должно было послужить сигналом к борьбе за конституцию, однако верхушка струсила. Вскоре после этого организацию запретили, и она ушла в под-

полье. Несколько месяцев спустя, в феврале 1934 года, в Вене и других городах началась череда кровавых столкновений с властями, повлекших смерть мирных граждан. Восстания были подавлены, а шуцбунд объявили государственным врагом номер один.

Идеалист Грубер внезапно оказался в числе преследуемых по политическим убеждениям, и его жизнь практически висела на волоске. За членство в союзе он предстал перед судом. Его приговорили к смертной казни и отправили в так называемый «лагерь передержки». Игнацу едва за 30, но уже нечего терять. Он решил бежать и, как и сотни других членов преследуемой организации, направился в Чехословакию, до которой было всего лишь семьдесят километров. В соседнем государстве у власти по-прежнему находились демократы; к тому же там жили родственники Груберов. По всей видимости, юноша решил остаться здесь навсегда и стал учить чешский.

Но спокойствие оказалось призрачным: отголоски переворотов 1930-х годов, в корне изменивших политический ландшафт Центральной Европы, настигали его и заставляли отступать все дальше, на Восток. Его родина, Австрия, в результате насильственного присоединения к Германии в 1938 году оказалась во власти фашистской диктатуры. Возвращаться было некуда. Спасаясь от нацистской власти, он бежит на восток и через Польшу попадает в Харьков, где антифашисты, такие же как он, пока еще чувствовали себя в безопасности. В очередной раз смирившись с новыми жизненными обстоятельствами, он учит русский. За это время болезненный юноша превратился в рослого, спортивного телосложения мужчину.

Закаленная Веной

Бегство. Танец над Дунаем

После войны Вена была разделена четырьмя державами-победительницами на секторы. Отец Любы, Игнац Грубер, австриец по происхождению, получил работу в советском Управлении оккупированными территориями. Однако время, проведенное на берегах Дуная, окажется не самым лучшим в судьбе девочки: семья живет бедно, никто не хочет дружить с русской. Люба начала работать танцовщицей в венском кабаре «Мулен Руж», и это станет ее путевкой в жизнь.

Любе было восемь лет, когда она с родителями покинула Россию. Навсегда. Осталась лишь одна фотография от 25 мая 1948 года: на восьмилетней девочке с гладко причесанными темно-русыми волосами и большим бантом на затылке. Застегнутое на все пуговицы платье надето поверх белой блузки. Она уверенно смотрит в объектив и улыбается. Годы жизни в Москве, несмотря на нужду и лишения, были хорошими. Война окончилась, здания на берегах Москвы-реки почти не пострадали во время бомбардировок, в людях жила надежда на лучшее будущее.

Но не прошло и трех лет, как Груберы вновь начинают паковать вещи. Любе приходится расстаться со своей лучшей подругой Светой, которой на чужбине ей будет страшно не хватать. На этот раз семья направляется в Вену, родной город Игнаца. С места снялись сам Игнац, его жена Лидия, Люба, бабушка Екатерина Минина и еще один, пока путешествующий зайцем, пассажир: Лида снова беременна. В Москве остается только Надежда, Лидина младшая сестра.

Они пускаются в путь налегке – брать с собой им в общем-то и нечего. После долгих часов, проведенных в поезде, они наконец оказываются на венском вокзале. Перед ними изувеченный город: союзные силы Великобритании и США подвергали его бомбардировкам более 50 раз, вплоть до 12 марта 1945 года. Вена, некогда слышавшая столицей культуры и искусства, утратила городской дворец и множество других памятников архитектуры. «Большинство зданий были или черными, или серыми, – пишет очевидец. – Повсюду сажа и пыль. В Старом городе – вечный ноябрь, постоянные черновато-красные сумерки». С тех пор как воцарился мир, жители пытаются вернуться к прежней жизни, но дается им это с трудом. Снова ходит трамвай. Электричество пусть на несколько часов, но включают. Но не все так спокойно и буднично: зима 1946/47 года выдалась очень суровой. Число детей, страдающих от недоедания, выросло до 70 %; в городе бушевали эпидемии дизентерии и тифа, остановить которые удалось с великим трудом.

С 1 сентября 1945 года город поделен на четыре сектора: как и бывшей столицей рейха Берлином, Веной